

— Вообще я ребенок войны. Отца убили в 42-м, когда мне было девять лет. Помню войну, разруху, голод, долгую холдную эвакуацию из Коломны, где я родился, в Киров, потом — возвращение в родной полуразрушенный город. Поэтому с детства ненавижу фашизм в любом его проявлении.

Мама долго не выходила замуж. Но нас у нее было двое, и она все-таки решилась — вышла за военного, подполковника артиллерии, и он увез нас на Камчатку. Там я окончил школу и рванул в Москву, в театральный. А семья поселилась затем в Киеве.

— У кого вы учились?

— У Марии Осиповны Кнебель, в Щепкинском училище. Но сама судьба, наверное, толкнула меня в кинематограф. Вся жизнь я отдал кино. Меня «открыли» Алов и Наумов. В 1956 году я сыграл у них в «Павле Корчагине» чеха Франца Клавичека, потом они снимали меня и в других своих фильмах. По окончании училища меня взяли в штат «Мосфильма», и я стал постоянно сниматься в 2—4 картинах в год.

— Сейчас, конечно, вы этим похвастать не можете.

— Сейчас мы никому не нужны. На своем Киевском телевидении я решил показать современных украинских киноактеров. На студии в штате 150 человек и почти никто не работает! А ведь талантливые люди. И никто о них не знает. С микрофоном я подхожу к актеру и спрашиваю: «Чем вы сейчас занимаетесь?» — «Работаю сторожем. По ночам караулю склад». — «А как вы думаете, почему так произошло?» И идет откровенный разговор. Показываем старые фильмы, вспоминаем, размышляем. Зарплата на студии имени Довженко в два раза больше, чем стоит буханка хлеба. И актеры не только выброшены за черту бедности, они просто оскорблены! Все как бы проходит тест на выживание. Так же живут и режиссеры, и операторы, и художники. Я знаю актрису, которая вяжет на продажу шапочки, свитерочки. Жена Борислава Брондукова шьет. Есть чернорабочие, есть «шестерки» в коммерческих структурах.

— А в театре вы никогда не работали?

— Одно время работал. Полтора года прослужил в театре «Красноярск-26». Но меня позвали сниматься на студию имени Довженко, я бросил театр и уехал в Киев. Как-то так получилось, что эта студия без конца приглашала меня. Вот так и осел в Киеве. Для меня Украина — вторая родина. Вся жизнь я там, мне дорога эта земля, но тем не менее я все-таки, как на Украине говорят, москаль. Я ведь русский. Родился, учился, работал в Москве, и друзей у меня тут много. Хотя снимался, пожалуй, везде.

— Да, были вы и русским, и таджиком, и евреем, и итальянцем. Сменили множество и добрых, и злых масок. Какие роли вам были ближе?

— Вот теперь, когда я прожил много лет, понял, что судьба мне улыбнулась. Потому что я, к счастью, почти не играл положительных героев. Я играл их противоположность. Если есть мудрый советский разведчик, то я рядом как шпион или эсэсовец. Если есть красавец-комсомолец, то я — алкоголик, проходимец. И, наверное, я рад этому, потому что горизонт деятельности был расширен. Положительный герой, хочешь или нет, ограничен какими-то рамками. Ему ни вправо, ни влево! Ты можешь себе представить, чтобы Штирлиц выругался на экране? А мой герой может. С него взятки гладки — он же мерзавец. Тут можно всегда что-то выдумать. Поэтому в этих самых отрицательных ролях зрители меня любят, будь я шпион в «Капитане Немо» или бандюга в «Приключениях Электроника».

— Значит, мы выяснили, что если был хороший главный герой, то появлялся Перфилов, устраивающий ему

пакости. Но ведь это не все. Я же говорю и о ваших добрых масках.

— А-а-а... Это уж потопом... С легкой руки Говорухина. Были, конечно, поначалу фильмы, где я играл шахтера Сашу, рабочего Петю, шофера Федю, колхозника Ивана. Такие роли ничего не давали, и может, так бы и продолжалось, пока я не сыграл отрицательного героя в фильме «Таврия». Мне предложили роль немца-колониста, воспитанного на пренебрежении к людям, такого гаденыша — того самого Вилли, который в 41-м надеет форму эсэсовца и придет нас убивать. Я отказался, но режиссер мне сказал: «А ты сыграй его с этой ненавистью, так ты отомстишь войне и тому, кто убил твоего отца». И после этого немца мне вообще перестали предлагать положительные роли. Даже в одной рецензии написали: «Наконец-то появился актер, который так убедительно играет мерзавцев».

— Личных неприятностей у вас из-за этого не случилось?

«Я СТАЛ ТОВАРОМ, КАК КАРТОШКА»

— Нет. Если меня и воспринимали как убийцу, вору или алкоголика, то только до первой встречи. Стоило разговаривать, и собеседники видели перед собой другого человека.

— Говорухин взял вас на роль Гриши Ушивина без проб? Никого другого в ней не видел?

— Судя по всему, нет. Он очень легко мне ее предложил. Мы оказались с ним в одном кадре — он играл белого генерала, а я — начальника штаба белой армии. И в перерыве между съемками я его спросил, правда ли, что он начинает ставить фильм по книге Вайнеров «Эра милосердия». Он сказал — да. Я его попросил дать мне роль одного из бандитов «Черной кошки». А он отмахнулся и заявил: «Ладно дурака валять! Будешь играть Гришу Ушивина». Наверное, увидел во мне нормального человека, такого, как фотограф Гриша. И, видно, попал. Потому что столько лет прошло, а до сих пор в разных уголках страны люди на улицах подходят: «Здравствуй, Шестьна-девять! Как здоровье? Как дела?»

— Фильм «Место встречи изменить нельзя» пользуется баснословным успехом почти два десятка лет. И вполне заслуженно. А если говорить об ак-

терских работах, так там каждая роль — законченный образ, характер. Просто маленький шедевр.

— Это надо поблагодарить моего великого педагога Марию Осиповну Кнебель, которая говорила: «Вы поймите, что прежде всего надо оставаться человеком, разбираться в жизни, общаться с людьми, разговаривать, вспоминать...». Вот

Визитной карточкой Льва Перфилова стала роль фотографа Гриши «6 на 9» в телесериале «Место встречи изменить нельзя». Так получилось, что именно она открыла нам, да и многим режиссерам, этого интересного, характерного артиста. Хотя к тому моменту им было сыграно множество ролей в кино... Теперь он — иностранец. Живет и работает в Киеве и до сих пор не понимает и не принимает свой новый статус. В Москву Перфилов приезжает крайне редко. Только на съемки или по приглашению на какие-либо юбилеи. В Киеве же он ведет авторскую телепередачу и занимается воспитанием внуков, коих у Льва Алексеевича целых восемь.

Лев Перфилов:

ты говоришь: «маленький шедевр». А все потому, что каждый актер понял, почему его персонаж такой.

Почему сын кулака, которого я сыграл в телефильме «Как закалялась сталь», идет убивать Павку Корчагина? Не просто навестить, а именно убить. Надо понять его, влезть в его шкуру: «Я прекрасно жил, у меня была масса работников, хлеба, я гулял на свадьбах, волочился за женщинами, пил, жрал... А тут пришли какие-то люди и все отобрали. Значит, тот дерется за Советскую власть, а я — за свою власть. Значит, идет сила на силу!». Или почему человек украл в газете булку? Был у меня такой эпизод. Почему? Просто потому, что голодный? Или у него дома мать больная и нет ни копейки на эту булку? Просить он не умеет, потому что стыдно протянуть руку. Значит, он из интеллигентной семьи, значит, он и одет не как ханурик. И крадет-то он не колбасу, а булку. Важно фантазировать биографию, тогда все станет ясно.

— Такие ваши фантазии принимают режиссерами? Или приходится спорить?

— Обязательно сгорить. Вспомни фильм «Старая крепость», где я играл

Кашкета. Режиссер хотел, чтобы я сделал алкоголика тихим, с трясущимися ручками, тусклым взглядом, чтобы я предстал таким пигмеем перед главным героем. А снимался-то фильм в 73-м, когда чуть ли не вся страна спивалась. И везде, на каждом углу продавалась эта бормотуха. Все ходило под кайфом. Заводы работали по два дня в неделю: в понедельник человек похмелялся, во вторник приходил в себя, в среду — работал, в четверг — запивал, в пятницу уже пил по-черному. Надо было показать этих людей — они же со зверскими лицами не ходили! Они же были очень веселыми: «Жизнь-то, братцы, прекрасна! У тебя есть рубль? И у меня — рубль! Давай сбросимся!». Я решил сыграть обыкновенного человека, каких много на улице. Спорил каждую съемку, пока режиссер не махнул рукой: «Ну тебя к черту, делай, как хочешь!». И я выиграл.

— А смешным быть никогда не боялись?

— Нет. Никогда не боялся быть некрасивым, уродливым, смешным. Мне все время кажется, что я мог бы сделать все лучше, поэтому не смотрю не готовый еще материал: а то тут же потребую переснять. Наверное, это неплохое качество.

— А какие качества характеризуют вас как хозяина дома?

— Да какой я хозяин, господа! Обычный. Готовить умею, стирать умею, могу смастерить сам мебель. В хороших условиях и хозяин хороший. Но у меня нет ни дачи, ни машины, ни яхты, ни острова своего. Есть пятеро детей и восемь внуков, во имя которых я жил, тащил их за уши.

— Дети чем занимаются?

— Да чем... Так же страдают, как и все остальные. Хотя и профессии у них у всех, а толку мало. Две девочки мои окончили институт, ЭВМшницы. Сыновья пытаются что-то делать в бизнесе. На Украине все гораздо сложнее.

— Если, не дай Бог, завтра останетесь совсем без работы, чем займетесь?

— Ничем. Бизнесом не сумею. Я творческий человек и обманывать не могу. Буду жить на пенсию или пойду в какой-нибудь клуб рассказывать о кино, заниматься с молодежью. Хотя она теперь ничего не хочет слушать, ей только подавай доллары. Все уже, как ржавчина, разведены желанием обогатиться.

Почему улицы Москвы стали похожими на улицы Нью-Йорка? Там, где раньше было написано «Пельменная», теперь написано «Шоп». Начинаем забывать свой собственный язык, стали поклоняться чуждой нам культуре. Да мы же уникальная нация! Если раньше для нас проститутка была самой последней женщиной, то теперь это престижная профессия. Если раньше Жеглов говорил: «Вор должен сидеть!», то теперь воровство — способ жизни. Все с ног на голову перевернулось, и моему поколению этого не понять.

— Тяжко вам осознавать, что теперь живете за границей?

— Я этого вообще не понимаю. У меня в голове не укладывается, что сегодня, поговорив с тобой, я поеду за рубеж и пройду две таможи. Почему? Для меня Москва — то же, что и Киев. Была же Киевская Русь! Почему никто не помнит, что мы все славяне? А сейчас, когда все разделились на княжества, — стали забывать друг о друге. Теперь для каждого Родина — это только он, жена и дети. А я помню, как бегал по Красной площади и орал, что мы первыми вышли в космос. А первый фестиваль в Москве! Я не говорю о том, чтобы восстанавливать Союз, его не вернешь. Но объединиться нам надо. Все равно через эти таможи за деньги можно провезти что угодно — даже атомную бомбу. Раньше хоть радоваться умели. И почему я не могу тосковать по старой жизни, если я тогда снимался без перерывов? А сейчас снимаюсь в дерьмовой рекламе, да еще приходится торговаться, чего я раньше никогда не делал. Я стал вдруг товаром, как картошка. Сейчас я не знаю своего соседа. Я не знаю, как кого во дворе зовут. А ведь на День Победы когда-то на улицы вытаскивались столы, заводили патефон, брали в руки гармошку и веселились. Все друг друга любили, помогали друг другу.

Нужно общение. Только в общении познается истина.

Беседовал Сергей КАПКОВ

18.01.94.

сценарист